

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации Светланы Петровны Соповой
«Повесть А.П. Чехова “Скучная история” во французской рецепции»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
(специальность 10.01.01 – русская литература)

Актуальность диссертационной работы С.П. Соповой обусловлена рядом факторов. Во-первых, предлагается показательный материал в аспекте концепт-анализа художественного текста. Во-вторых, вопрос европейской, как и общемировой, рецепции классической русской литературы неизменно актуален, поскольку все еще полностью не изучен, о чем также свидетельствуют многочисленные в последнее десятилетие диссертации, посвященные изучению этого вопроса (примечательно, что исследования русско-европейских связей на материале прозы А.П. Чехова малочисленны). В-третьих, анализ повести, принадлежащей к первому кризисному периоду жизни Чехова, дает возможность глубже осмыслить экзистенциальные искания писателя.

Выбор уже апробированного подхода к анализу повести А.П. Чехова «Скучная история», посредством выделения центрального концепта и изучения его структуры с привлечением историко-культурного контекста и кросскультурных параллелей, позволяет **С.П. Соповой решить поставленную исследовательскую задачу, имеющую важное значение** для изучения истории русской литературы, и дополняет существующие исследования по зарубежной рецепции творчества А.П. Чехова.

Научная новизна исследования обеспечивается комплексным рассмотрением французской рецепции повести Чехова «Скучная история» в единстве литературоведческого и переводческого аспектов, а также введением в научный оборот значительного количества французских источников.

Обоснованность научных положений и выводов, представленных в диссертации, является достаточно высокой.

Достоверность результатов диссертации обеспечивается широким охватом материала, составляющего целостный контекст изучения концепта *скука* в русской картине мира, а затем через посредство изучаемых переводов – во французской. Дополнительную опору исследования составляют регулярные обращения к текстам русской и французской критики.

Поставленная цель – комплексное исследование французской рецепции «Скучной истории» в единстве литературоведческого и переводческого аспектов – успешно реализуется в двух главах диссертации.

В первой главе обосновывается выделение концепта *скука* как ключевого в повести «Скучная история» и своеобразие данного концепта в русской языковой картине мира, описывается структура концепта в повести с опорой на широкий контекст чеховских произведений и удачными апелляциями к эпистолярию писателя. Особую ценность представляет раздел 1.2 «Семантические составляющие концепта “скука” в повести “Скучная история”», в котором проявляется полифония смыслов «скучной истории». В данном разделе убедительно излагается структура концепта, вбирающего мотивы с семантикой однообразного, обыкновенного, обычного, неперемного, частого, знакомого, привычного, неизменного, долгого, надоедающего, наскучившего, серого, мрачного, бесцветного, равнодушного, безынтересного, ленного, тяжелого, тоскливого, страшного, ужасного, холодного, тихого, молчаливого и пр., мотивы старости, смерти и общей идеи. Единственное уточнение, которое, на наш взгляд, следовало здесь сделать, касается указания (С. 6) на попытку выделения *скуки* в качестве концепта А.А. Казаковой в статье «Концепт “скука”» 2009 года. Из текста диссертации неясно, какую структуру концепта предлагает этот автор и как она соотносится с предложенной С.П. Соповой.

Проведенный в первой главе диссертации анализ позволяет уверенно говорить о том, что концепт *скука* организует произведение, способствует воплощению трагической «скучной истории» старого профессора как «универсальной бытийной ситуации». Диссертантке удается доказательно продемонстрировать, как в концепте *скука* сходятся общекультурное, национальное и индивидуально-авторское наполнение, убедительно доказывается также обусловленность содержания концепта мировоззрением Чехова, переживавшего в конце 1880-х гг. глубокий мировоззренческий кризис.

Во второй главе описывается французская рецепция повести с акцентом на передачу концепта тремя переводчиками: Д. Рошем, Б. Шлецером и Э. Парейром (думается, корректнее было бы повсеместно именовать рецепцию «французской», как заявлено в названии диссертации, не сбиваясь на «франкоязычную», на том основании, что изучаются три французских перевода и подавляющее большинство критики именно французской).

В первом и втором разделах главы подробно рассматривается рецепция творчества Чехова во Франции с конца XIX века по настоящее время во всем своем разнообразии: критическая, литературоведческая, переводческая и издательская, даже врачебная. При этом разумно и логично вычленяется то, что имеет непосредственное отношение к

предмету исследования – повести «Скучная история». Так, обзор театральной рецепции, которая представляет самостоятельное значительное исследование, сводится к уникальной постановке по чеховской повести, осуществленной в Париже в 2011 году.

Далее, в третьем разделе второй главы, подробно описывается французский концепт *скука* и его лексические репрезентанты в сопоставлении с русской лексемой, постулируется связанная с этим переводческая проблема. Здесь также очень показательно приведен анализ именованного главного персонажа чеховской повести в интерпретации французских переводчиков. Следующим этапом сравнения становится сопоставительный анализ французских переводов повести Чехова с акцентом на три выделенных группы признаков русского концепта: семантика однообразия, отчуждения и комплекс экзистенциальных мотивов.

Результаты осуществленного в главе анализа ожидаемо свидетельствуют о потерях при передаче авторского концепта. Свидетельством объективности и корректности проведенного анализа представляется тот факт, что автору исследования удается проследить попытки переводчиков компенсировать смысловые потери при передаче концепта. При отсутствии установки на эквивалентную передачу концептуально-мотивной организации повести, исследование обнаруживает, что качество передачи концепта *скука* в переводах зависит от таланта и интуиции переводчиков. Автор диссертации обоснованно доказывает, что каждый из трех переводов актуализирует различные значения концепта, лишая перевод полифонии смыслов, воплощенных посредством комплекса взаимообусловленных мотивов. Так, перевод Шлецера предстает как наиболее адекватный из трех изученных, поскольку переводчику удается, с заведомыми потерями, передать основные выделенные семантические ряды. Перевод Роша оказывается наименее адекватным из трех, поскольку концепт как таковой утрачивает во французском варианте свое ключевое значение. Третьему переводчику, Парейру, удается частично передать мотивы однообразия и отчуждения, но ряд экзистенциальных мотивов претерпевает столь значительные изменения, что в конечном итоге приводит к утрате бытийной составляющей, сводя содержание повести к трагической бытовой ситуации.

В качестве замечания ко второй главе можно отметить, что представленный анализ переводов был бы информативнее, будь переводы сопоставлены не только с оригиналом, но и между собой в рамках каждого из аспектов сравнения. Однако в целом глава успешно выполняет свое назначение, давая исчерпывающее представление о французской рецепции повести Чехова, а анализ ее переводов проявляет своеобразие авторской реализации рассматриваемого концепта.

Частный вопрос возникает в связи с оценкой адекватности переводов. Автор диссертации указывает (С. 139), что ни один из трех переводчиков не преуспел в создании адекватного перевода заглавия чеховской повести. Не будет ли корректнее говорить о неэквивалентности переводов заглавия оригиналу, поскольку коммуникативная цель в каждом из вариантов достигнута, что доказывают приведенные автором отзывы на данные переводы?

Также хотелось бы уточнить в контексте приведенного высказывания Д. Дюришина о том, что принцип организации художественного произведения должен быть ясен его переводчику, так как определяет «смысловую амплитуду лексических единиц в контексте» (С. 14): обращались ли указанные переводчики к другим повестям и рассказам периода 1886 – 1903 гг., отразившим первый мировоззренческий кризис автора, и в частности к рассказу «Скука жизни»? Также уточнение необходимо относительно оценки упомянутого рассказа «Скука жизни». Во введении рецензируемой диссертации автор указывает (С. 6), что в ряде рассказов концепт *скука* является фоновым, в том числе в рассказе «Скука жизни», «где не получает того максимального смыслового содержания, которое в полной мере реализуется в “Скучной истории”». Действительно, *скука* в рассказе заявлена лишь в названии, в тексте лексема не встречается. «Скука жизни», напечатанная за три года до «Скучной истории», вероятно, не удовлетворила Чехова, пометившего: «NB. В полное собрание не войдет». Однако рассказ, безусловно, был пробой пера в теме *скуки*, наброском к будущей повести. В рассказе присутствуют большинство приведенных в анализе «Скучной истории» мотивов, составляющих концепт *скука*: мотив близкой смерти, одиночества – в том числе супругов, в страхе ожидающих свою кончину, мотив старения, болезни, усталости, холода, мрака, тишины, молчания, духоты, бессонницы, раздражения, лени, стыда и пр. Думается, большее внимание к «Скуке жизни» при реализуемом анализе «Скучной истории» позволило бы проследить не только становление концепта *скука*, но и прояснить позицию Чехова, который, испытывает множество «иллюзий жизни» на полковнице и ее муже, прежде чем приходит к поискам «общей идеи» умирающим профессором.

Заключение диссертации С.П. Соповой обобщает основные выводы, указывает на особый статус концепта *скука* в прозе Чехова, его ключевую роль в повести «Скучная история», обозначает основную, связанную с этим переводческую проблему: непонимание переводчиками концептуально-мотивной организации повести.

Список использованной в диссертации литературы насчитывает 242 наименования, в том числе 71 источник на французском языке.

В качестве общих замечаний к тексту диссертации можно отметить некоторую терминологическую небрежность (слова, лексемы, лексические репрезентанты мотива, лексические мотивы, репрезентанты мотива, репрезентанты концепта, словесные мотивы) и отдельные стилистические ошибки: «ненарушимое единство» (С. 25), «непростой смысл» (С. 25), «исследовательница» (С. 26), «смысл избранного автором такого заглавия продолжает вызывать вопросы» (С. 38), «стиль писания» – в значении стиль письма (С. 43), «неимение человеческих отношений» (С. 92), «профессионально изучал социологию» (С. 116). В отдельных случаях присутствует избыточное цитирование (например, на стр. 111 содержание известного письма Чехова приводится в интерпретации Е.М. Сахаровой, не предлагающей ничего нового). Из замечаний технического характера отметим некорректные переносы инициалов (со стр. 2 и далее повсеместно).

Сделанные замечания, однако, имеют частный характер и не умаляют научной ценности рецензируемой диссертации.

Сказанное позволяет заключить, что диссертация «Повесть А.П. Чехова “Скучная история” во французской рецепции» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи изучения повести «Скучная история» во французской рецепции, имеющей значение для развития литературной компаративистики и переводоведения, и соответствует требованиям, изложенным в действующем «положении о присуждении ученых степеней». Автор диссертации, Светлана Петровна Сопова, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Аблогина Евгения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», 634050, г. Томск, пр. Ленина 36, рабочий тел.: (3822) 534771, e-mail: e.ablogina@gmail.com

Официальный оппонент

Е.В. Аблогина

Верно

Ученый секретарь Ученого совета
Национального исследовательского
Томского государственного университета

Н.Ю. Бурова

09.02.2015 г.